
T 83/616

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1829)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

Кн. Д. Г. Эристовъ.

Продается въ пользу стипендіи Грибоѣдова.

ТИФЛИСЪ

ТИПОГРАФІЯ С. МЕЛИКОВА, ГАНОВСК. УЛ. № 18.

1879.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1829)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

Кн. Д. Г. Эристовъ.

Продается въ пользу стипендіи Грибоѣдова.

ТИФЛИСЪ

ТИПОГРАФІЯ С. МЕЛИКОВА, ГАНОВСК. УЛ. № 18.

1879.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 27 января 1879 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(читано въ „тифлисскомъ кружкѣ" 28-го января 1879 г.).

I

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4-го января 1795 года. Родъ Грибоѣдовыхъ — нынѣ совсѣмъ пресѣкшійся — принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Россіи. Отецъ поэта, Сергѣй Ивановичъ, былъ женатъ также на Грибоѣдовой, Настасіи Ѳеодоровнѣ, женщинѣ весьма умной, энергичной, державшей домъ подъ своею деспотическою властію, при чемъ мужъ совсѣмъ стушевывался передъ нею. Домъ, въ которомъ жило семейство Грибоѣдовыхъ въ Москвѣ,

въ предмѣстіи Подъ-Новинскомъ, сохранился и по нынѣ въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ находился въ концѣ прошлаго столѣтія. Грибоѣдовы жили на широкую ногу. У нихъ собиралась почти вся знать Москвы: князь, Одоевскіе, Нарышкины, Римскіе-Корсаковы. Разумовскіе были съ ними въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ. То былъ особый барскій міръ, описаніе котораго вложено въ уста Фамусова; то были баре, которые «ѣдали на серебрѣ и золотѣ», «ѣзжали вѣчно цугомъ»,служили когдато при дворѣ Екатерины Великой; у нихъ были свои традиціи, свои особые нравы и обычаи. Вотъ въ кругу этого барства и прошло дѣтство Александра Сергѣевича. Не смотря на такую свѣтскую жизнь, мать Грибоѣдова позаботилась дать сыну блестящее, можно сказать, чисто научное образованіе. Его наставниками были: извѣстный энциклопедистъ *Петрозиліусъ* и докторъ правъ *Іонъ*. Пятнад-

цати лѣтъ Грибоѣдовъ поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ, причемъ заботливая мать, боясь чтобы сынъ не увлекся «завиральными идеями», посылала его въ университетъ въ сопровожденіи гувернера, и сама выбрала ему «этико-политическій» факультетъ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшій будущей карьерѣ сына. Въ тѣ времена въ Московскомъ университетѣ были другіе нравы... Дома профессоровъ были открыты студентамъ; было полное общеніе между учащими и учащимися. Между профессорами находились лица, составившія себѣ громкое имя на западѣ, какъ напр. *Буле*, *Геймъ*, *Рейнгардтъ*, *Шлецеръ* (сынъ) и друг. Буле давалъ даже частные уроки Грибоѣдову на дому, занимаясь съ нимъ «*разными отраслями наукъ умозрительныхъ*». Профессоръ Страховъ, во время зимнихъ вакацій, режиссировалъ спектаклями студентовъ... Вотъ тутъ-то, вѣроятно, и зародилась въ Грибоѣдовѣ любовь къ сценѣ.

Черезъ два года (1812 г.), Грибоѣдовъ сдалъ экзаменъ въ университетѣ и былъ удостоенъ степени кандидата правъ. Началась война, и Грибоѣдовъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ великимъ событіямъ этой исторической эпохи. Не смотря на свое «этико-политическое» образованіе, Александръ Сергѣевичъ поступилъ въ московскій гусарскій полкъ, формировавшійся графомъ Салтыковымъ. Но полкъ этотъ, по всей вѣроятности за смертью Салтыкова, не принялъ никакого участія въ войнѣ. Разъ вырвавшись изъ тисковъ домашней обстановки, Грибоѣдовъ хотѣлъ немного свободно подышать и отдать дань своимъ молодымъ годамъ, и вотъ онъ прикомандировывается къ иркутскому гусарскому полку, входившему въ составъ резервнаго кавалерійскаго корпуса. Полкъ этотъ стоялъ тогда въ Брестъ-Литовскѣ. Здѣсь мы видимъ Грибоѣдова, увлеченнаго тогдашнею военною жизнію. Попойки, кар-

тежная игра, буйства всякаго рода составляли, какъ извѣстно, любимыя и почти единственныя развлеченія военнаго люда. Изъ крупныхъ шалостей Грибоѣдова этой эпохи можемъ отмѣтить слѣдующіе два эпизода. Разъ онъ въѣхалъ на блестящій балъ верхомъ въ залу. Въ другой разъ, зашедши въ костелъ, онъ согналъ органиста, и началъ импровизировать блестящуюораторію. Когда толпа была наэлектризирована его чудными звуками, вдругъ онъ... перешелъ на *камаринскую.* До чего онъ увлекается военною жизнью видно изъ того, что онъ какъ-бы оставляетъ въ сторонѣ свою страсть къ театру, развившуюся, какъ мы замѣтили выше, еще во время студенчества, и пишетъ статью въ *Вѣстникъ Европы* «О кавалерійскихъ резервахъ». Къ счастію онъ встрѣчается здѣсь съ своимъ близкимъ другомъ Бѣгичевымъ, человѣкомъ весьма серьезнымъ и имѣвшимъ большое вліяніе

на Грибоѣдова. Бѣгичевъ старается воскресить въ своемъ другѣ прежнія идеалы, въ чемъ и успѣваетъ, Грибоѣдовъ видитъ всю пустоту своей безцѣльной жизни; кстати тутъ-же знакомится съ знаменитымъ кн. Шаховскимъ и любовь къ сценѣ опять воскресаетъ въ немъ. Прежняя разгульная жизнь брошена, и мы видимъ Грибоѣдова, запершагося въ своей квартирѣ и занимающагося переводомъ пьесы «Le secrêt du ménage», озаглавленной имъ «Молодые супруги». Окончивъ комедію, онъ бросаетъ военную службу, въ которой прослужилъ четыре года, и ѣдетъ въ Петербургъ (1815 г.).

II

Начало нынѣшняго столѣтія было золотымъ вѣкомъ русскаго театра. Блестящая плеяда такихъ дѣятелей, какъ Шаховской, Озеровъ, Катенинъ и т. п неутомимо работали для сцены. Вспомнимъ, съ какимъ увлеченіемъ описываетъ эту пору безсмертный *Пушкинъ* въ своемъ «Онѣгинѣ»! Въ столицѣ, какъ бы въ контрастъ провинціи, мы видимъ тогдашнюю военную молодежь занимающеюся литературой. Гр. Потемкинъ, Маринъ, Семеновъ, Барковъ, Катенинъ—были представители тогдашней блестящей гвардіи. Грибоѣдовъ попалъ въ кружокъ этихъ писателей. Особенно близко сошелся онъ тогда съ извѣстнымъ *Ѳаддѣемъ Булгаринымъ* и *Гречемъ*. Какъ мы сказали выше, блестя-

ще образованный, владѣя въ совершенствѣ языками: нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, италіанскимъ, и будучи отличнымъ музыкантомъ, онъ не могъ ударить лицомъ въ грязь передъ своими сверстниками. Мы должны замѣтить, что Грибоѣдовъ съ дѣтства пристрастился къ музыкѣ. Онъ отлично игралъ на фортепіано, еще лучше импровизировалъ и хорошо зналъ теорію музыки, занимаясь въ Петербургѣ у тогдашняго извѣстнаго профессора Іоанна Миллера.

Вотъ какъ описываетъ Грибоѣдова Бестюжевъ-Рюминъ (Марлинскій): «... кровь сердца всегда говорила въ немъ въ лицѣ; никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ — никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катонов-

ской суровостью, даже дерзостью». Не смотря на свой меланхолическій характеръ и нервную раздражительность, развившуюся, вѣроятно, вслѣдствіе не особенно отрадной домашней обстановки, онъ былъ любимъ въ этомъ кругу.

Вращаясь среди театраловъ, онъ съ особымъ увлеченіемъ занялся сценой. Его комедія *«Молодые Супруги»* была поставлена на сцену 29 сентября 1815 года, въ бенефисъ Семеновой и имѣла достаточный успѣхъ. Послѣ этого онъ написалъ при сотрудничествѣ Шаховскаго, Жандра и Хмѣльницкаго нѣсколько пьесъ: *«Своя семья»*, *«Притворная невѣрность»* (переводъ) и *«Студентъ»*.

Въ концѣ концовъ вся эта театроманія разыгралась для Грибоѣдова весьма печальнымъ эпизодомъ, имѣвшимъ вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Дѣло въ томъ, что Грибоѣдовъ жилъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ

графомъ *Завадовскимъ*, *) который ухаживалъ за танцовщицей *Истоминой*. Разъ както Грибоѣдовъ попросилъ ее послѣ спектакля къ себѣ на чай. Истомина согласилась, но, боясь своего обожателя кавалергарда Василія *Шереметева*, не рѣшилась прямо изъ театра ѣхать къ Грибоѣдову, и попросила его ждать у Гостиннаго двора, куда она должна была пріѣхать въ казенной каретѣ. Дѣйствительно Истомина сдержала слово: она подъѣхала къ Гостинному двору, пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему на квартиру. Между тѣмъ Шереметевъ слѣдилъ изъ за угла и видѣлъ какъ сани подъѣхали къ квартирѣ Завадовскаго. Извѣстный тогдашній бретёръ *Якубовичъ* (впослѣдствіи декабристъ)

*) Кстати добавимъ, что Грибоѣдовъ описалъ его въ „Горе отъ ума" въ лицѣ князя Григорія:

...князь Григорій!
Чудакъ единственный, насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.

вмѣшался въ дѣло и посовѣтовалъ Шереметеву вызвать Грибоѣдова на дуэль, а самъ предложилъ стрѣляться съ Завадовскимъ. Получивъ вызовъ, Грибоѣдовъ согласился на дуэль съ маленькимъ измѣненіемъ въ условіяхъ, чтобъ Шереметевъ дрался съ Завадовскимъ, а самъ онъ будетъ драться съ секундантомъ, т. е. съ Якубовичемъ. Условія были приняты, дуэль состоялась и Шереметевъ былъ убитъ. Вся эта исторія могла очень печально окончиться, но отецъ Шереметева просилъ Государя не наказывать Завадовскаго и потому все ограничилось тѣмъ, что Завадовскаго выслали заграницу, а Якубовича изъ лейбъ-улановъ перевели на Кавказъ въ драгунскій полкъ. Дуэль Якубовича съ Грибоѣдовымъ была отсрочена до болѣе благопріятнаго времени.

Вся эта исторія произвела на Грибоѣдова потрясающее впечатлѣніе, предсмертныя судороги Шереметева

стояли у него передъ глазами; какъ отъ кошмара, не могъ онъ освободиться отъ этой тяжелой картины. Ему нужно было вырваться изъ этой жизни, чтобъ ничто не напоминало о ней. Случай какъ разъ представился. Повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи *Мазаровичъ* предложилъ ему ѣхать въ Персію. Грибоѣдовъ не колеблясь согласился на это предложеніе.

III

Торопясь въ Персію, Грибоѣдовъ не на долго остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Якубовича, и отложенная дуэль состоялась. Какъ ни непонятно это теперь для насъ, но тогдашнія понятія о чести оправдывали и даже узаконяли ту странность, что люди, не питавшіе взаимно никакой ненависти, и даже неимѣвшіе никакой причины, дрались другъ съ другомъ на смерть. Первымъ стрѣлялъ Грибоѣдовъ, но далъ промахъ. Якубовичъ легко ранилъ его въ руку, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ, что впослѣдствіи нѣсколько мѣшало ему играть на фортепіано. Несмотря на укоренившійся обычай дуэ-

лей, такія столкновенія всегда имѣли болѣе или менѣе серьезныя послѣдствія. Вѣсть о дуэли Грибоѣдова съ Якубовичемъ не дошла оффиціально до властей, вслѣдствіе ея благопріятнаго исхода; но все таки А. П. Ермоловъ долго сердился на дуэлистовъ.

Грибоѣдовъ пробылъ въ Тавризѣ безотлучно три года. Здѣсь онъ сталъ заниматься персидскимъ языкомъ, и могъ впослѣдствіи довольно легко объясняться на немъ. Нельзя сказать, чтобъ Персія на него произвела хорошее впечатлѣніе; онъ постоянно скучалъ по родинѣ. Онъ грезилъ о Москвѣ, о друзьяхъ, о знакомыхъ. Среди этихъ грезъ, разъ онъ заснулъ въ садовой бесѣдкѣ. Ему снилось, что онъ находится въ кругу своихъ друзей въ Москвѣ, и читаетъ имъ свою комедію. Проснувшись, онъ взялся за карандашъ и начерталъ планъ этой комедіи и первыя ея сцены. Комедія эта была „Горе отъ ума“. Наконецъ

Грибоѣдову надоѣло жить въ Персіи, и по его просьбѣ, онъ былъ переведенъ въ Тифлисъ чиновникомъ по дипломатической части, при А. П. Ермоловѣ.

Въ Тифлисѣ на этотъ разъ онъ оставался болѣе года. Для любопытствующихъ, мы можемъ указать на домъ, въ которомъ онъ жилъ. Домъ этотъ и понынѣ сохранился, впрочемъ, почти полуразрушеннымъ; онъ находится на Экзаршеской площади, возлѣ дома кн. Александра Вахтанговича Орбеліани. Здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, онъ отдѣлалъ свое „Горе отъ ума". Жизнь его въ нашемъ городѣ была самая скромная; онъ большей частью оставался дома, одѣтый въ туземный архалухъ, и занимался кромѣ своей комедіи музыкой, купивъ фортепіано у командира эриванскаго полка Муравьева, впослѣдствіи намѣстника кавказскаго. Это было второе фортепьяно въ Тифлисѣ; одно находилось у князя Але-

ксандра Чавчавадзе. Между прочимъ онъ и здѣсь даже не оставлялъ занятій персидскимъ языкомъ; за неимѣніемъ хорошаго руководителя, Грибоѣдовъ долженъ былъ заниматься съ извѣстнымъ цѣлому Тифлису банщикомъ Машади, котораго русскіе прозвали Иваномъ Иванычемъ.

Грибоѣдовъ былъ принятъ, какъ другъ дома, во всѣхъ знатныхъ домахъ города. Чаще всего онъ посѣщалъ генеральшу Ахвердову, урожденную Арсеньеву, женщину весьма умную и хорошо образованную. У ней же воспитывалась и будущая его жена, княжна Нина Александровна Чавчавадзе, съ которою Грибоѣдовъ и познакомился впервые въ этомъ домѣ.

Послѣ четырехлѣтней разлуки съ родиной, Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ читалъ нѣсколькимъ близкимъ друзьямъ свою комедію; одни остались довольны ею, другіе осуждали его произведеніе. Меж-

ду недовольными былъ и Бѣгичевъ, мнѣніемъ котораго Грибоѣдовъ болѣе всего дорожилъ. Бѣгичевъ прямо высказалъ мнѣніе, что ему не нравится первый актъ комедіи. Грибоѣдовъ лично не возражалъ; но на другой день, когда Бѣгичевъ посѣтилъ его, то засталъ его бросающимъ листы рукописи въ печку. На удивленіе Бѣгичева Грибоѣдовъ отвѣтилъ, что объ этомъ не стоитъ безпокоиться, ибо у него первый актъ уже готовъ въ головѣ. Черезъ недѣлю, дѣйствительно, первый актъ былъ заново написанъ. Какъ мы выше замѣтили, Грибоѣдовъ читалъ „Горе отъ ума“ только своимъ близкимъ друзьямъ. Онъ былъ очень скроменъ; не любилъ никогда говорить о своихъ сочиненіяхъ. Насъ даже увѣряли, что здѣсь, на Кавказѣ, между своими родственниками, онъ никогда не говорилъ о „Горе отъ ума“. Комедія распространилась въ Москвѣ совершенно случайно. Разъ

къ сестрѣ Грибоѣдова, г-жѣ *Дурново*, зашелъ графъ Віельегорскій и нашелъ рукопись комедіи на фортепьяно. Случайно взявъ въ руки комедію, онъ заинтересовался ею, началъ читать и пришелъ отъ нея въ восторгъ. Онъ попросилъ позволенія списать ее,—и комедія мигомъ распространилась по всей Москвѣ.

Возвратившись въ началѣ 1826 г. на Кавказъ, Грибоѣдовъ сопровождалъ Ермолова при его разъѣздахъ по линіи. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Екатеринодарской станицѣ, пріѣхалъ курьеръ къ Ермолову, съ Высочайшимъ приказаньемъ немедленно арестовать и выслать Грибоѣдова, по поводу участія его въ декабрьскихъ событіяхъ 24 года. Въ Ермоловѣ, въ этомъ старомъ кавказскомъ героѣ, взросшемъ на военной дисциплинѣ и посѣдѣвшемъ по поляхъ битвы, любовь къ человѣку пересилила долгъ повиновенія. Ермоловъ любилъ Грибоѣдова, какъ

родного сына: онъ не выдержалъ, и, предупредивъ Грибоѣдова объ его участи, далъ часъ времени на уничтоженіе бумагъ, могущихъ скомпрометировать его. Вотъ, между прочимъ, что писалъ Ермоловъ барону Дибичу:

„Военный министръ сообщилъ мнѣ Высочайшую Государя Императора волю—взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ С.-Петербургъ, прямо къ Его Императорскому Величеству.

„Исполнивъ сіе, я имѣю честь препроводить Грибоѣдова къ вашему превосходительству. Онъ взятъ такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ, но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если-же бы впослѣдствіи могли быть отысканы оныя, я всѣ таковыя доставлю.

„Въ заключеніе имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что Грибоѣдовъ во время служенія его въ миссіи нашей при персидскомъ дворѣ, и потомъ при мнѣ, какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ, не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ многія весьма хорошія качества“.

Грибоѣдова немедленно отправили съ курьеромъ въ Петербургъ. Во всю дорогу онъ былъ очень веселъ, смѣялся, шутилъ, вслѣдствіе увѣренности къ своей неприкосновенности къ этимъ событіямъ. Въ Москвѣ онъ упросилъ курьера остановиться немного, чтобъ повидаться съ матерью. Курьеръ позволилъ и въ продолженіи 10 часовъ Грибоѣдовъ успѣлъ повидаться съ родными и близкими друзьями. Мать, какъ нужно было ожидать, встрѣтила его весьма непривѣтливо; осыпала его цѣлымъ потокомъ упрековъ, называя его карбонаріемъ и вольнодумцемъ.

Подъ арестомъ Грибоѣдовъ высидѣлъ въ главномъ штабѣ четыре мѣсяца. Изъ записокъ, сохранившихся досел и писанныхъ въ это время большею частью къ Булгарину, мы видимъ, что Грибоѣдовъ все время былъ очень веселъ, но конечно, смертельно скучалъ. Онъ убѣдительно просилъ друзей своихъ присылать ему газетъ

и журналовъ. Отъ скуки онъ даже принимался за математику, просилъ достать ему «Дифференціальное исчисленіе» Франклера. Къ этому времени относится и его эпиграмма:

„По духу времени и вкусу
Я ненавидѣлъ слово: *рабъ*,
За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянутъ къ Іисусу".

Убѣдившись въ невинности Грибоѣдова, Государь Императоръ не только освободилъ его изъ подъ ареста, но обласкалъ и далъ чинъ надворнаго совѣтника.

IV

Вскорѣ послѣ освобожденія Грибоѣдова началась персидская война. Онъ все еще числился при Ермоловѣ; но какъ извѣстно, старый кавказскій герой попалъ въ то время въ опалу и вмѣсто него назначенъ былъ гр. Паскевичъ. Грибоѣдовъ уже не думалъ возвратиться на Кавказъ; но мать, всегда заботившаяся о карьерѣ сына, и слышать не хотѣла объ этомъ. Вдобавокъ сыну представлялась блестящая будущность, такъ какъ новый главнокомандующій, гр. Паскевичъ, былъ женатъ на племянницѣ Настасіи Ѳедоровны Грибоѣдовой. Александръ Сергѣевичъ долго не соглашался перейдти на службу къ Паскевичу. Обязанный своимъ спасеніемъ Ермолову, онъ

находилъ неловкимъ остаться при новомъ главнокомандующемъ, такъ какъ Ермоловъ, въ силу весьма понятныхъ причинъ, не долюбливалъ Паскевича. Но умная Настасья Федоровна уговорила таки сына. Разъ она повезла его молиться къ Иверской Божьей матери, и упавъ на колѣни передъ сыномъ, начала заклинать его всѣми святыми исполнить ея просьбу. Грибоѣдовъ согласился, и просьба матери, конечно, заключалась въ томъ, чтобъ онъ перешелъ на службу къ гр. Паскевичу. Скрѣпя сердце, Грибоѣдовъ долженъ былъ уступить.

Однако ожиданія Грибоѣдова оправдались; Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, подобно Цезарю, съ горечью замѣтилъ:

— «И онъ, Грибоѣдовъ, оставилъ меня и отдался моему сопернику»!

4-го апрѣля 1827 года Грибоѣдовъ былъ назначенъ Паскевичемъ чиновникомъ, завѣдывающимъ заграничными сношеніями съ Персіей и Турціей.

Во время заключенія мира съ Персіей, переговоры все время велъ Грибоѣдовъ. Онъ посѣтилъ нѣсколько разъ въ лагерѣ Аббасъ Мирзу, и мирный *Туркменчайскій договоръ* былъ подписанъ 10-го февраля 1828 г. Въ награду за блестящій договоръ, присоединявшій къ Россіи Эриванскую губернію, Паскевичъ послалъ Грибоѣдова съ этимъ документомъ къ Государю Императору.

Проѣздомъ черезъ Москву онъ посѣтилъ Ермолова. Алексѣй Петровичъ принялъ его весьма холодно. «Не могу себѣ простить, говорилъ Грибоѣдовъ въ Петербургѣ своимъ друзьямъ, что я посѣтилъ Ермолова! Что онъ могъ подумать! Точно я похвастать хотѣлъ.... А я, ей Богу, заѣхалъ къ нему по старой памяти!»

Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ за вѣсть о мирѣ былъ награжденъ Государемъ Императоромъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2 ст. алмазами

украшенымъ, и четырьмя тысячами червонныхъ, и наконецъ черезъ мѣсяцъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ.

Пробывъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, онъ возымѣлъ намѣреніе поставить хоть теперь свое *„Горе отъ ума!“* Но увы! и званіе министра не помогло Грибоѣдову видѣть свою комедію на сценѣ; она безусловно была запрещена цензурою.

Съ какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ ѣхалъ онъ въ Персію.

—„Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перережутъ. Аллаяръ-ханъ—мой личный врагъ; не проститъ онъ мнѣ Туркменчайскаго договра! говорилъ Грибоѣдовъ своимъ друзьямъ».

V

Грибоѣдовъ прибылъ въ Тифлисъ 8-го іюля 1828 года. Уже на станціи Гортисхари онъ былъ привѣтствованъ чиновниками, выѣхавшими къ нему на встрѣчу. Онъ остановился въ помѣщеніи занимаемомъ гр. Паскевичемъ. Графа тогда не было въ Тифлисѣ, онъ находился въ своей главной квартирѣ. Грибоѣдовъ хотѣлъ ѣхать туда, не смотря на чуму, свирѣпствовавшую тогда въ войскахъ, онъ даже добрался до Шулаверъ, но дорога до того была испорчена, что онъ долженъ былъ вернутся обратно въ Тифлисъ.

Здѣсь, передъ въѣздомъ въ Персію онъ обручился съ княжной Ниной Чавчавадзе. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ, въ письмѣ къ Булгарину,

этотъ счастливый для него въ жизни шагъ:

„16-го іюля я обѣдалъ у моей старой пріятельницы Ахвердовой. За обѣдомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось; не знаю, безпокойство-ли другаго рода, по службѣ теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную; выходя изъ за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: „Venez avec moi, j'ai quelque chose á vous dire". Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепьяно; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, вошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханье заняллось, я не помню что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Просковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ во всю ночь и весь день, отправили курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ".

Княжна Нина Александровна Чавчавадзе была одно изъ прелестнѣйшихъ созданій того времени. Красави-

ца собою, великолѣпно образованная, съ рѣдкимъ умомъ, она безусловно завоевывала симпатіи всѣхъ, кто только съ ней былъ знакомъ. Всѣ кто только ее зналъ—люди самыхъ различныхъ слоевъ, понятій, мнѣній—сходятся на одномъ, что эта была, идеальная женщина. Не было мало мальски выдающагося поэта въ Грузіи, который бы не посвятилъ ей нѣсколько стихотвореній. Кстати, отецъ ея князь Александръ Гарсевановичъ Чавчавадзе былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ въ Грузіи. Но странно, что Грибоѣдовъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ не упоминаетъ объ этомъ. Намъ кажется, что едвали онъ имѣлъ понятіе объ его стихахъ, распѣваемыхъ сазандарами, и не подозрѣвалъ, сколько было поэзіи и самобытности въ этомъ грузинскомъ Анакреонѣ. Да и самъ князь Александръ Чавчавадзе, едвали могъ тогда понять значеніе своего зятя!

«Своя своихъ не познаша»!

Свадьба Грибоѣдова состоялась 22 августа (1828). Вѣнчаніе происходило въ Сіонскомъ соборѣ; Грибоѣдовъ въ это время страдалъ лихорадкой и даже подъ вѣнцомъ онъ трясся въ параксизмѣ. Свадьба его была довольно тихая—гостей было не болѣе 50-ти человѣкъ.

На третій день у Грибоѣдова былъ обѣдъ на сто человѣкъ; послѣ обѣда открылись танцы, продолжавшіеся до полуночи. Въ Тифлисѣ данъ былъ цѣлый рядъ праздниковъ, въ честь новобрачныхъ Губернаторъ Синягинъ, генералъ Ховенъ и прочія власти города попеременно давали обѣды и балы. Но Грибоѣдовъ спѣшилъ въ Персію Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса съ молодой женой 9 го сентября; Нину Александровну сопровождала до Эривани ея мать, княгиня Саломэ Ивановна.

VI

Грибоѣдовъ совершенно преобразился; мы видимъ его счастливаго, наверху блаженства! Вотъ одно письмо, писанное въ то время:

„Другъ мой Варвара Семеновна!*)

Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не пеняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ съ

*) Письмо это послано изъ Эчміадзина, 17 сентября 1826 г. къ г-жѣ В. С. Миклашевичъ.

пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреньемъ etc., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители первое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью.

„Какъ все это случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда“!

Слышите? Эта жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестьнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, исчезла, можетъ быть навсегда, и какъ не мило, какъ не утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди какъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Трапера и Куперову Prairie,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ

жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ".

Далѣе, описывая свои служебныя занятія, онъ продолжаетъ:

„... Наконецъ послѣ тревожнаго дня вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитижѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Murillo,—вотъ она!".

Съ пріѣздомъ въ Персію Грибоѣдова начинаются тѣ пререканія между нашимъ посольствомъ и персидскимъ дворомъ, которыя привели къ извѣстному несчастному концу. Представляясь въ Тегеранѣ Шаху и вручая свои ввѣрительныя грамоты, Грибоѣдовъ слишкомъ долго сидѣлъ въ при-

сутствіи Шаха, такъ что этотъ послѣдніи едва выдержалъ тяжесть короны и жемчугомъ унизанной одежды, въ которую облачился для пріема министра. На второй аудіенціи повторилось тоже самое, при чемъ Шахъ принужденъ былъ сказать: «Джаны мэра хиласкунъ» (въ переводѣ это значитъ: избавьте меня).

Грибоѣдовъ обидѣлся, завязалась по этому поводу переписка, не приведшая ни къ чему и значительно охладившая отношенія его ко двору Шаха. Ежедневно происходили стычки между прислугою посольства съ чернію, и говоря откровенно, нельзя винить въ этомъ персіянъ. По всей вѣроятности, вѣсти о безчинствахъ посольской прислуги не доходили до Грибоѣдова.

Были еще другаго рода обстоятельства, которыя сильно возбуждали фанатическихъ персіянъ. Дѣло въ томъ, что Грибоѣдова осаждали лица, преимущественно армяне, родственницы которыхъ были похищены персіянами,

съ просьбой заступиться за нихъ и выручить плѣнницъ. Горячо заступаясь за христіанъ, Грибоѣдовъ навлекалъ на себя сильное негодованіе всего населенія и въ особенности муллъ.

Несмотря на это, дѣло повидимому улаживалось и Грибоѣдовъ, обмѣнявшись подарками съ Шахомъ, уже хотѣлъ возвратиться въ Тавризъ, гдѣ онъ оставилъ жену, какъ передъ самымъ отъѣздомъ явился къ нему главный евнухъ Шаха *Мирза-Якубъ*, уроженецъ эриванской губерніи, по фамиліи *Маркарянъ*, выражая желаніе возвратиться на родину и прося покровительства министра. Мирза Якубъ занималъ должность казначея и главнаго хранителя сокровищъ и богатствъ гарема. Къ несчастію, Грибоѣдовъ принялъ живѣйшее участіе въ немъ и оставилъ евнуха въ посольскомъ домѣ. Между тѣмъ вся свита Шаха трепетала при одной мысли, что скажетъ по этому поводу повѣлитель Ирана. Въ

силу весьма понятныхъ причинъ, Шахъ пришелъ въ ярость при этомъ извѣстіи, но нужно отдать ему справедливость, въ продолженіи всей этой исторіи, онъ велъ себя весьма сдержанно. По словамъ единственнаго свидѣтеля, оставшагося въ живыхъ, г. *Мальцева* въ день 20 разъ приходили посланцы отъ Шаха съ самыми нелѣпыми представленіями. Опи говорили, что *Хаджа* (евнухъ) тоже, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у Шаха. Грибоѣдовъ стоялъ на своемъ, основывая свое рѣшеніе на трактатѣ, въ силу котораго онъ не имѣетъ права отказывать въ покровительствѣ бывшему русско-подданному.

Тогда персіяне выдумали, что Мирза-Якубъ унесъ съ собой 40 т. тумановъ, въ чемъ евнухъ не сознавался. Наконецъ обѣ стороны согласились назначить духовный судъ. Грибоѣдовъ послалъ въ судъ Мирзу-Якуба въ сопровожденіи секретаря Мальцева и пе-

реводчика Шахъ-Назарова; но духовный судъ не состоялся; обвиненія, взведенныя на Мирзу-Якуба были голословны и сами персіяне отказались отъ суда. На другой день согласились поручить разбирательство дѣла высшимъ сановникамъ Шаха.

Между тѣмъ главный мулла Мирза-Месихъ узналъ, будто Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру.

— Какъ! говорилъ онъ, человѣкъ болѣе 20 лѣтъ въ нашей вѣрѣ, читаетъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!

Вѣсть объ этомъ распространилась по цѣлому Тегерану.

— Запирайте завтра базаръ, говорили ахунды народу, и собирайтесь въ мечетяхъ,—тамъ услышите наше слово.

На другой день, именно 30 го января 1829 г. толпа собралась сначала у мечетей.

— Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба, послышалось со всѣхъ сторонъ, и чернь не замедля бросилась туда. Караульные при домѣ посольства не имѣли при себѣ зарядовъ, они бросились за ними на чердакъ, но тамъ застали народъ, который уже растаскалъ и ружья, и патроны. Сначала Грибоѣдовъ приказалъ стрѣлять холостыми зарядами, и тогда велѣлъ зарядить ружья, когда увидѣлъ что на дворѣ уже убиваютъ посольскую прислугу.

Вотъ возмущающая душу картина послѣднихъ минутъ жизни Грибоѣдова, разсказанная персидскимъ секретаремъ, находившимся при посольствѣ:

„... Наконецъ раздались оглушительные удары въ домовую крышу, вскорѣ она была проломана на сквозь, и первыя пули поразили смертельнымъ ударомъ молочнаго брата посланника, который съ сердечнымъ сокрушеніемъ вскрикнулъ: „по-

смотрите, посмотрите, они убили Александра". Еще двое лишились жизни прежде чѣмъ мы успѣли убѣжать въ большую гостиную, занимавшую середину посольскаго отдѣленія.

„Какъ теперь вижу весь ужасъ нашего положенія напечатленный на чертахъ всѣхъ присутствующихъ лицъ. У иныхъ казалось всѣ чувственныя способности онѣмѣли, другіе были снѣдаемы страшнымъ отчаяніемъ, многіе пытались, вмѣстѣ съ казаками, отчаянно защищать жизнь свою. Посланникъ, сложа руки на грудь, медленными шагами прохаживался взадъ и впередъ, и отъ времени до времени пропускалъ руку въ волосы; чело его было обогрено кровью отъ удара камнемъ нанесеннаго въ правую сторону головы. Онъ подошелъ ко мнѣ и произнесъ такимъ голосомъ, который обхватилъ меня дрожью; „видно они хотятъ насъ убить, Мирза!» Я могъ отвѣчать ему только утвердительнымъ знакомъ. Послѣднія слова его, внятно дошедшія до моего слуха, были: Фетъ-Али-шахъ! Фетъ-Али-шахъ!...

„Посланникъ былъ пораженъ нѣсколькими сабельными ударами въ лѣвую грудь и мнѣ показывали бойца, человѣка атлетическаго сложенія и огромной силы въ услуженіи у одного изъ жителей Тегерана, ко-

торый нанесъ ему эти удары. У ногъ г. Грибоѣдова еще испускалъ послѣдніе вздохи казацкій урядникъ, который съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, до послѣдней минуты заслонялъ его своимъ тѣломъ"....

Тѣло несчастнаго Грибоѣдова, совершенно обезображенное, было узнано между безчисленными трупами лишь по сведенному мизинцу, который, какъ мы сказали выше, былъ послѣдствіемъ дуэли съ Якубовичемъ. Лишь черезъ четыре мѣсяца бренные останки знаменитаго поэта были вывезены изъ Персіи. Жители всѣхъ городовъ, черезъ которые провозили покойника, выходили на встрѣчу печальной процессіи, имѣя во главѣ облаченныхъ въ траурныя ризы священниковъ съ образами и хоругвями. Заимствуемъ описанье его похоронъ изъ частнаго письма къ Булгарину:

„..... 17-го Іюля (1829) поздно вечеромъ тѣло привезено было въ Тифлисъ и поставлено въ Сіонскомъ соборѣ, на великолѣпномъ катафалкѣ. При этомъ печальномъ случаѣ принимали дѣятельнѣйшее участіе

грузинскій гражданскій губернаторъ Ст. Сов. П. Д. Завилейскій. Во всемъ была видна общая забота воздать достойнымъ образомъ послѣднюю дань праху любимаго гражданина и поэта.

„Дорога изъ карантина къ городской заставѣ идетъ по правому берегу Куры; по обѣимъ сторонамъ тянутся виноградные сады, огороженные высокими каменными стѣнами. Въ печальномъ шествіи было что-то величественное и неизъяснимо трога́ло душу. Сумракъ вечера, озаренный факелами, стѣны, унизанныя плакавшими грузинками, окутанными въ бѣлыя чадры, протяжное пѣніе духовенства, за колесницею толпы народа, воспоминаніе объ ужасной кончинѣ Грибоѣдова—все это раздирало серца знавщихъ и любившихъ его. Вдова, осужденная въ блестящей юности своей испытать ужасное несчастіе, въ горестномъ ожиданіи стояла съ семействомъ своимъ у городской заставы. Свѣтъ перваго факела возвѣстилъ ей о близости драгоцѣннаго праха; она упала въ обморокъ и долго не могли привести ее въ чувство.

„На другой день происходило отпѣваніе тѣла въ присутствіи г. военнаго губернатора генералъ-адъютанта С. С. Стрѣкалова, всѣхъ бывшихъ въ городѣ г. г. генераловъ, почет-

ныхъ жителей Тифлиса. Послѣ священнаго служенія, совершеннаго экзархомъ Грузіи, митрополитомъ Іоною, который весьма трогательнымъ надгробнымъ словомъ заставилъ всѣхъ бывшихъ въ церкви проливать слезы, не могши самъ почти говорить отъ рыданій, тѣло отвезено было для погребенія въ монастырь Св. Давида съ торжественною церемоніею, по составленному на этотъ случай особенному церемоніалу. Все народонаселеніе города совокупилось въ одной улицѣ, по которой проходила процессія; на лицѣ каждаго видны были тѣ же горестныя чувства какія обнаруживались наканунѣ при встрѣчѣ тѣла.

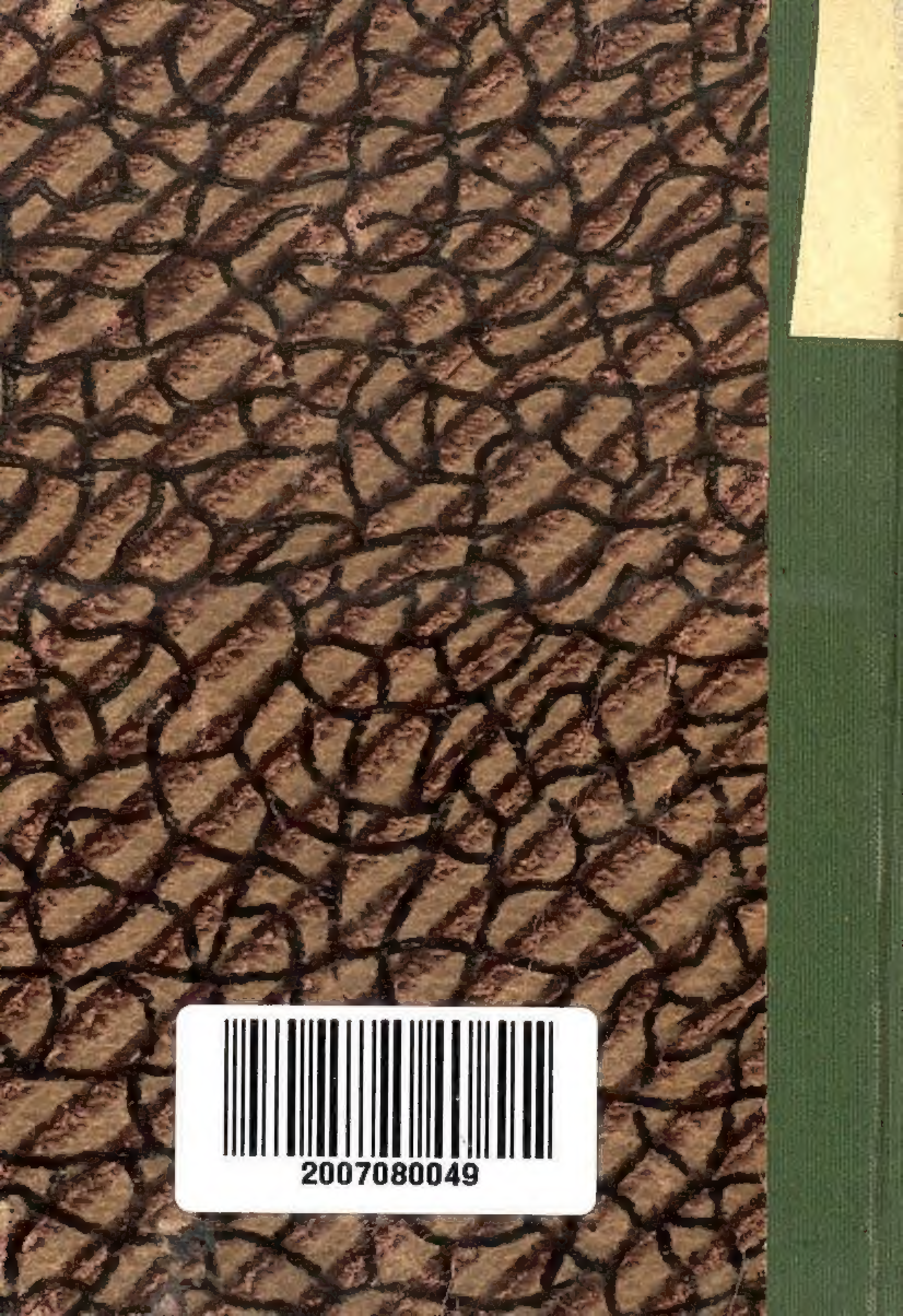
Заканчивая этотъ краткій біографическій очеркъ знаменитаго поэта и оставляя въ сторонѣ оцѣнку собстенно литературной его дѣятельности, мы должны замѣтить, что помимо безсмертныхъ услугъ, оказанныхъ Грибоѣдовымъ дѣлу русскаго развитія, онъ дорогъ намъ, кавказцамъ, еще и по тѣмъ немаловажнымъ услугамъ, какія оказалъ онъ дѣлу мѣстнаго развитія. Въ общественной его дѣятельно-

сти въ нашемъ краѣ имѣется не мало сторонъ, дѣлающихъ его имя незабвеннымъ для всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы нравственнаго развитія нашей окраины. Грибоѣдовъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ, съ любовію отнесшихся къ нашей сторонѣ; трезво смотрѣлъ на ея будущность и горячо сочувствовалъ ея судьбамъ......

Онъ одинъ изъ первыхъ—если не первый—съумѣлъ понять, что въ ней живутъ и будутъ жить *люди*, достойные симпатіи, поддержки и любви со стороны всѣхъ порядочныхъ людей русской земли..... Изъ писемъ его къ гр. Паскевичу видно, что онъ смотрѣлъ на установленіе правильныхъ отношеній власти къ мѣстному населенію глазами просвѣщеннаго и дальнозоркаго *государственнаго* человѣка. Онъ возставалъ въ этихъ письмахъ противъ скороспѣлаго и необдуманнаго навязыванія мѣстнымъ племенамъ чуждыхъ имъ законовъ, «которыхъ никто

не понимаетъ и соблюдать не хочетъ!» Онъ совѣтовалъ «оставить народу нетронутыми его обычные *выборные* суды, къ которымъ онъ имѣетъ довѣріе; по возможности не касаться внутреннее администраціи, ограничиваясь назначеніемъ депутатовъ отъ правительства въ *народныя* управленія и суды». Живые свидѣтели благотворнаго дѣйствія этихъ мудрыхъ мѣръ, примѣненныхъ месятки лѣтъ спустя послѣ смерти Грибоѣдова—мы болѣе чѣмъ кто либо можемъ оцѣнить ту глубокую любовь, которая диктовала симпатичному поэту эти совѣты и указанія. И вотъ почему мы вдвойнѣ оцѣнимъ его: какъ поэта и какъ гражданина родной земли.

Кн. Д. Г. Эристовъ.

2007080049